

Л.И. Шерстова

Россия, Томск

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Значение этнонимов в структурировании «кочевых империй» Евразии

В отличие от оседлых обществ для кочевых народов территория сама по себе не была базой для воспроизводства и дальнейшего функционирования социально-политических институтов. В условиях подвижного скотоводческого образа жизни, сменявших друг друга «кочевых империй», сопровождавшихся перетасовками человеческих коллективов, сохранение этносоциального единства не могло базироваться на привязанности к конкретной территории или единой экономике. Связи с этнической или производственной территорией были менее зримы внешне – они не определялись пространством «возделанной земли» и не носили характера постоянного присутствия.

Этническая территория была совокупностью различных маркеров, чаще природного происхождения, которые были «втянуты» в реальную или мифическую историю народа. Названия гор, рек, перевалов связывались с именами героев или божеств, с событиями прошлого, с историей отдельных семей и их потомков. В условиях ограниченного использования письменности «своя» территория сама по себе была источником знания о прошлом, и сезонные ее посещения оживляли связи между поколениями, а ритуалы закрепляли внутриэтнические связи.

Ядром же государственного строительства были сами человеческие коллективы, а объединяющим началом для них служили названия различных этнических образований, которые осмысливались как показатели общности происхождения, основанного на реальных или вымышленных кровнородственных связях, что находило отражение в наличии «родовой» организации и развитых генеалогиях всех «степных» народов.

Гибель очередной «кочевой державы», уничтожение правящей элиты могли приводить к временному «всплыванию» архаических социальных институтов. Происходило оживление значимости, казалось бы, уже ставших неактуальными кровнородственных отношений – этой универсальной форме организации социума в условиях слома более развитых социально-политических структур. Наступала внешняя архаизация общества, что создавало ложное представление об уровне развития народов этого региона. Но накопленные традиции государственности быстро возрождались, когда, вследствие разных причин, та или иная общность, оказавшись в результате «стягивания» своих одноплеменников достаточно многочисленной, «возвышалась». Она брала инициативу создания «нового» государства, в состав которого входили бывшие подданные прежнего, и давала ему свое этническое название.

Особенностью положения зависимых этнических групп, согласно центральноазиатской политической традиции, было минимальное вмешательство власти в их внутреннюю структуру при полном и безоговорочном политическом и экономическом подчинении господствующему этносу. В Монгольской империи отражением этой традиции было существование такого специфического института, как «унаган богол». Это приводило к накоплению зависимым населением опыта государственности при сохранении достаточно архаичных внутренних связей. Такая традиция взаимоотношений подчиненных и господствующих этносов (родов, кланов, племен, патриархальных семей и т.д.) в ситуации гибели последних легко позволяла первым интегрироваться в новые политические образования либо возглавить их.

Именно осознание принадлежности к той или иной этнической группе поддерживало ее внутреннее единство. Отсюда характерное для центральноазиатского этнокультурного ареала сохранение этнонимов с раннего Средневековья. При прерывистой традиции письменности, тем не менее, такие этнонимы, как аба, аз (ач), дубо, байегу, кыргызы, теле (в форме теленгиты, телеуты, телесы) сохранились в Сибири с древнетюркского времени до прихода русских и позже. Из этого следует, что этнонимы играли важнейшую роль

вструктурировании подвижных социумов, подтверждением чему является сохраняемая народами Центральной Азии и Южной Сибири, так называемая «родовая» организация, особенностью которой является бытование средневековых этнонимов в качестве уже «родовых» названий. Экзогамность таких «родов» не должна вводить в заблуждение и быть аргументом в пользу их примитивности и архаичности. При определенных условиях она выступала одним из механизмов структурирования социума в условиях его подвижности и помогала сохранить как его внутреннюю целостность, так и способность коллективного встраивания в разнообразные социально-политические системы от древнетюркских каганатов до Российской империи. Включение фрагментов предыдущих этносов в форме «родов» в разнородные новообразования позволяло «родовой» организации быть не столько «пережитком» прошлого, сколько отражением динамичного этноисторического развития кочевых народов.

Отождествление отечественными этнографами «родовой организации» тюркоязычных народов Сибири с родовой структурой догосударственных обществ приводило к ошибочному пониманию уровня их социально-политического развития. Отрицание возможности деградации культуры не вписывалось в формационную (эволюционную) схему хода истории человечества и переносило ее архаизированный облик начала XX в. на период включения этих народов в состав России. Наличие «родовой» собственности на охотничьи угодья, подводило «экономическую» основу для отождествления рода (сеока) народов Саяно-Алтая с первобытным родом, а его экзогамность укрепляла такое понимание. Между тем, «родовая» собственность, прежде всего, на территории промысла пушного зверя, как и существовавшая во второй половине XIX – начале XX в. «родовая» собственность на кедрачи были следствием, в первом случае, ясачной политики государства, во-втором – втягиванием аборигенного населения в российские торгово-экономические отношения, т.е. формирование «родовой собственности» было вызвано внешними факторами. Экономика же подвижных обществ Центральной Азии, базировалась на семье, которая была и основной фискальной единицей. «Возврат» к «родовой собственности» был следствием политики России, которая архаизировала социальную социально-экономическую структуру аборигенов. Безусловным признаком «классического» рода является экзогамия. Однако этнографические материалы показывают ее наличие в виде различных по численности, условиям образования социальных общностей, т.к. экзогамия важнейший регулятор вообще всех социальных отношений в традиционных обществах.

Вопрос о языковой принадлежности таких «родов» не может решаться однозначно: в условиях подвижности общества и особенностей политических процессов смена языка не влекла за собой обязательного изменения этнонима и отказа от прежнего образа жизни. Минимальное вмешательство господствующих этносов полиэтничных государств Центральной Азии во внутренние отношения подвластных им народов приводило к тому, что, подчинившись политически и экономически, они продолжали воспроизводить свою культурную специфику, даже сменив языковую принадлежность. Монголоязычные майманы эпохи Чингисхана, потеряв впоследствии этническое единство, в качестве уже тюркоязычных родов вошли в состав современных казахов и алтайцев, но при этом сохранили свой средневековый этноним. Более того, имеются примеры, когда этносы (этнические группы), использующие один этноним, могли отличаться языковой принадлежностью и хозяйственными характеристиками. Так разные группы урянхайцев Восточного Казахстана, Горного Алтая и Западной Монголии середины XVIII в., несмотря на наличие общего этнонима, существенно отличались друг от друга: часть из них сохраняла традиции присваивающей экономики страны своего исхода «Баргуджин Тукум», а другая – не отличалась от соседних скотоводов. Причем, среди них, возможно, уже тогда были распространены как тюркские, так и монгольские языки.

Поэтому определять языковую принадлежность тех или иных этнических групп можно только применительно к конкретному хронологическому периоду. При этом

сохранение этнонима не может свидетельствовать о сохранении прежней языковой или культурной принадлежности. Ситуация, при которой утрачивается язык, но сохраняется этноним, а значит, удерживается и определенное этническое единство, еще раз подчеркивает его значимость в подвижном обществе, что и определяло устойчивость этнонимии народов Центральной Азии и Южной Сибири.

Итак, значение этнонима для народов степной Евразии заключалось как в сохранении представления об определенной этнической целостности, несмотря на пространственную «распыленность», так и в понимании его как важнейшего фактора структурирования общества и его дальнейшего этноисторического развития.